

Научная статья

УДК 82-311.4

DOI 10.25205/2713-3133-2024-4-29-41

**Алтайские сюжеты
в детских рассказах А. И. Макаровой-Мирской
(сборник «Алтайские рассказы», 1912)**

Наталья Алексеевна Непомнящих

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Аннотация

А. И. Макарова-Мирская одной из первых создает в детской литературе образ Алтая. Он предстает в ее рассказах как особенное место, где добро побеждает зло, где райская природа свидетельствует о красоте мира, сотворенного Богом. Алтай – земля первозданная, еще не испорченная человеком. Здесь религиозные праведные люди живут в гармонии с окружающим их миром и друг с другом, а все конфликты разрешаются «по-христиански». Книга представляет собой концептуальное целое и формирует представление о ценности Алтая не просто как географически достопримечательного края, но как места сакрального и чудотворного. Эта идея в русской литературе и культуре получит дальнейшее развитие. «Алтайские рассказы» (1912) стоят у истоков этой традиции. Персонажи-дети становятся проводниками к чудесам, которых не видят взрослые: глазами детей, «проявляющими чудеса», показаны всё происходящее и окружающее пространство. Иллюстративный ряд в книге продуманно дополняет тексты: это рисунки, выполненные Г. И. Чорос-Гуркиным, и ее собственные фотографии. Все составляющие книги подчинены раскрытию идеи «прекрасного Алтая», который «сам чудо».

Ключевые слова

образ Алтая в литературе, детская литература, книги А. И. Макаровой-Мирской

Для цитирования

Непомнящих Н. А. Алтайские сюжеты в детских рассказах А. И. Макаровой-Мирской (сборник «Алтайские рассказы», 1912) // Сюжетология и сюжетография. 2024. № 4. С. 29–41. DOI 10.25205/2713-3133-2024-4-29-41

© Непомнящих Н. А., 2024

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2024. № 4. С. 29–41
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 4, pp. 29–41

**The Image of the Altai
in A. I. Makarova-Mirskaya's Short Stories for Children
("Alataiskie rassказы" ["Altai Short Stories"], 1912)**

Natalya A. Nepomnyashchikh

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Abstract

A. I. Makarova-Mirskaya was one of the first writers to create the image of the Altai in children's literature. In her short stories, Altai is pictured as a special place where Good triumphs over Evil and paradisiacal nature shows all the beauty of God's Creation. The Altai in her stories appears as a primordial land, not yet spoiled by man. Here the righteous religious men live in harmony with the world around and with each other. The book is conceptually whole and forms an idea that the Altai's value is greater than the value of a just geographically remarkable place; it is a sacred and miraculous land. This idea has been further developed in Russian literature and culture. The Altai short stories (1912) were one of the sources of this tradition. Children in the book guide readers to miracles unnoticed by adults. Everything that happens in the stories and all surroundings are shown through children's eyes and perception. The texts are intelligently complemented with the illustrations: G. I. Gurkin's (Choros Gurkin's) drawings and photos taken by Makarova-Mirskaya herself. All components of the book are devised to instill the idea of the Beautiful Altai, which is "a miracle itself".

Keywords

image of the Altai in literature, children's literature, A. I. Makarova-Mirskaya's books

For citation

Nepomnyashchikh N. A. The Image of the Altai in A. I. Makarova-Mirskaya's Short Stories for Children ("Alataiskie rassказы" ["Altai Short Stories"], 1912). *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2024, no. 4, pp. 29–41. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-4-29-41

Введение

А. И. Макарова-Мирская одной из первых создает в детской литературе образ Алтая. Он предстает в ее рассказах как особенное место, где добро побеждает зло, где райская природа свидетельствует о красоте мира, сотворенного Богом. Алтай в ее текстах всегда земля необыкновенная, словно первозданная и еще не испорченная человеком. Она становится не только фоном, но и «соучастницей» сюжетного действия, творя чудеса, которые недоступны взрослым, но открываются детям. Поскольку жизнь и деятельность А. И. Макаровой-Мирской с детства связаны с Алтайской православной духовной миссией, то героями ее рассказов, как правило, становятся религиозные праведные люди и дети, которые живут в гармонии с окружающим их миром и друг с другом, а если что-то нарушает эту гармонию, то конфликт обязательно будет разрешен по-христиански: на Алтае, «земле обетованной», иначе и быть не может.

Актуальность работы связана с возросшим в последнее десятилетие интересом к творчеству А. И. Макаровой-Мирской: ее рассказы стали попадать в поле зрения исследователей разного профиля как в связи с темой жизни и деятельности миссионеров на Алтае, так и в связи с изучением образа Алтая в русской литературе, однако сюжеты этих рассказов пока не становились объектом исследования.

История вопроса

Александра Ивановна Макарова – внучка Стефана Ландышева, главы Алтайской православной миссии (1845–1866). Макарова – это ее настоящая фамилия, которую она получила в замужестве за племянником адмирала Макарова. Мирская – один из ее литературных псевдонимов. Ею написано несколько книг об Алтае, самая известная, переизданная в 1997 г., – книга «Апостолы Алтая» о деятелях русской православной миссии¹. Книга А. И. Макаровой-Мирской «Алтайские рассказы» была создана для детей и посвящена ею цесаревичу Алексею. Впоследствии эти рассказы были рекомендованы для чтения в реальных училищах. Ее книги для детей сейчас практически забыты, ее прозе посвящено несколько статей, в том числе исследовательницы из Горно-Алтайска Т. П. Шастиной, которая рассматривает Алтай в книгах Макаровой-Мирской как мир «миссионеров и язычников» [Шастина, 2013а; 2015].

В обобщающих работах О. Г. Левашовой [2011] и Т. П. Шастиной [2013б] о путях формирования в литературе XIX в. образа Горного Алтая рассматриваются как романы и очерки, так и травелоги и поэтические произведения, в которых Алтай предстает местом экзотическим, далеким и диким: «...в число освоенных литературой имперских пространств Горный Алтай входит через травелог, откуда образ “дикого и грозного” Алтая уже как собственно художественный попадает в поэзию и закрепляется в ней как воображаемое пространство, где “...юная Натура во всей целостности своей и совершенстве”. ...Верхняя граница рассматриваемого периода совпадает с начальным этапом сибирского областничества, идеологи которого в формуле “Горный Алтай – это романтическое дикое русское пространство, населенное экзотическими народами” стали разрабатывать социальный компонент, сосредоточив внимание на проблемах инородцев. Таким образом, 1864 год можно считать концом эпохи превалирования географических образов Горного Алтая в русской литературе и началом эпохи образов этнографических (в ракурсе “этнос vs регион”» [Шастина, 2013б, с. 52]. В этом контексте книга А. И. Мирской, с одной стороны, стоит особняком, – как книга, принадлежащая традиции скорее идеологически-религиозной, принадлежа к направлению дидактической детской христианской литературы. С другой стороны, писательница «наследует» традиции, описывая Горный Алтай как место особенное, непохожее на другие, как место прекрасное и сакральное, однако в отличие от предшественников, она отделяет его от России, парадоксально мысля при этом частью империи, но пока малозначимой для большинства и малоизвестной даже царской семье, которой он принадлежит. Отличительными чертами алтайской жизни, на которых фокусируется внимание автора, могут быть названы «чудо» и «воль-

¹ См.: Областная библиотека им. А. С. Пушкина. Томск: URL: <https://elib.tomsk.ru/page/34015/>.

ность» в широком смысле – здесь всё между людьми иначе, по-христиански, здесь возможны чудеса и Бог проявляет себя всюду.

Таким образом, сборник «Алтайские рассказы» здесь впервые рассматривается как цельная по своему замыслу и оформлению книга, адресованная детям и отчасти взрослым, где писательница посредством однотипных сюжетов рассказов создает тот образ Алтая, который ей самой близок и знаком с детства. Эта книга целиком как единый по замыслу сборник с кольцевой композицией пока никем не рассматривалась.

Методы

Выявить общие мотивы и сквозной сюжет книги стало возможно благодаря системному подходу, сравнительному методу и мотивному анализу. Увидеть повторяющиеся закономерности во всем корпусе текстов позволяет мотивный анализ, поскольку он нацелен на интерпретацию повторяющихся элементов в разных текстах автора: повторяемость – одна из неотъемлемых характеристик мотива.

Содержание исследования и результаты

Книга А. И. Макаровой-Мирской открывается известным детским портретом цесаревича Алексея и посвящением ему: ей важно подчеркнуть принадлежность Алтая Российской державе. Во вступительной части Алтай несколько раз назван «жемчужиной в короне государя»: «Жемчужиной сверкающей и ценной / В короне ГОСУДАРЯ этот край / Является красою совершенной, / И я молю: любите ВАШ Алтай!..»² (Макарова-Мирская, 1912, форзац книги). В книге писательница хотела рассказать будущему царю об Алтае – землях, имевших особый статус и принадлежавших царской семье, которых юный Алексей никогда не видел. За посвящением и вступительным словом наверняка стояло желание привлечь внимание царской короны к этому краю.

Обложку для книги и графические иллюстрации выполнил известный алтайский художник и культурный деятель Г. И. Чорос-Гуркин, кроме того, книга богато проиллюстрирована фотографиями самой А. И. Макаровой-Мирской, она была прекрасным фотографом. Это уникальный документ эпохи, в котором текст и фотографии дополняют друг друга, представляя читателю ландшафты Алтая и портреты людей, там живущих. Иллюстрации и фотографии не только ценные документальные свидетельства эпохи, но и важнейшая содержательная составляющая книги: они вместе с текстом создают образ прекрасного края-рая с первозданной природой, наивным коренным населением и одновременно края, где Творец проявляет себя и в красоте природы, и в людях.

В книге одиннадцать рассказов и более семидесяти иллюстраций. Лишь в четырех рассказах в качестве персонажей изображены алтайцы (дети и взрослые), в остальных герои – русские. Основа сюжеттики везде бытовая. Сюжетами становятся разные происшествия с детьми, в результате которых им требуется помощь. Чаще всего речь идет о заблудившемся / потерявшемся или похищенном ребенке,

² Выделение прописными буквами – авторское, здесь и далее цитаты приводятся в современной орфографии по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

которого чудесным образом спасают / находят взрослые. Поскольку у книги сразу несколько адресатов-читателей, то и Алтай представлен по-разному, неоднородно.

С одной стороны, эта книга адресована конкретному ребенку, на одной из первых страниц его портрет и адресное посвящение: «Его Императорскому Высочеству, Всемилостивейшему Государю, наследнику цесаревичу и великому князю Алексею Николаевичу с высочайшего соизволения свой труд с глубочайшим благоговением посвящает Александра Макарова-Мирская». Цесаревичу в 1912 г., когда вышла книга, всего 8 лет, т. е. рассказы предназначаются прежде всего для младшего и среднего детского возраста. Они поучительны, просты, сентиментальны. Их сюжеты незамысловаты, добро всегда побеждает зло, хороших персонажей от плохих отличить легко, добрые намерения и поступки вознаграждаются. Книга имеет явную воспитательную и просветительскую, а также идеологически-религиозную направленность. Поскольку писательница выросла в кругу миссионеров-христиан из Алтайской духовной миссии, то и в ее рассказах красной нитью проводится мысль о том, что только христианство и православие есть вера истинная, в которую необходимо обратиться коренных алтайцев, и некоторые герои книги, включая персонажей-детей, принимают православие, иллюстрируя эту идею.

С другой стороны, книга предназначается для прочтения в царской семье, цель автора – привлечь внимание ее взрослых членов к Алтаю, вызвать интерес к этому краю у самого монарха, или хотя бы возбудить любопытство его наследника. Потому образ Алтая становится важнейшей составляющей всей книги, этот образ больше и значимее сюжетного повествования, именно он объединяет обе читательские аудитории: читать о чудесном крае с его необычайно красивой природой, экзотическим языком и коренным народом должно быть в равной степени интересно как детям, так и взрослым. И писательница создает образ горячо любимого ею с детства края как места идиллического и необычного: и природа здесь великолепна и разнообразна (горы с живописными водопадами, цветущие долины, девственные леса), и народ, его населяющий, «тихий», и русские переселенцы здесь крепки в вере и добры душой.

По сути, А. И. Макарова-Мирская, если формулировать языком методологии современной культурной географии, одной из первых предпринимает попытку моделирования образа Алтая не как географического объекта, а как «когнитивной модели пространственных представлений в локально-мифологическом контексте» [Замятин, 2010, с. 40], т. е. как некоторую идею, находя Алтаю место не столько на географической карте, сколько в русской культуре. Алтай описан как непрерывная череда красивых знаковых мест со своей локальной мифологией, объединенных общим свойством, – земли, способной творить добро чудесным образом по Божьему благословению. Этот сюжет и станет сквозным для всего сборника. Проводниками к чудесам в сюжетах отдельных рассказов становятся дети.

Чередование рассказов, повторяющиеся в них идеи, сюжеты, описания и похожие мотивы создают концептуальное целое. Все составляющие книги подчинены общей идее «прекрасного Алтая», мира «задумчивого, девственного и чистого, от которого так далека людская злоба» (с. 26–27). Алтай – особенная земля, где добро побеждает зло, где Бог слышит людей и где сама райская природа находится в гармонии с идеей красоты мира, сотворенного Богом. Алтай как место перво-

зданное и не испорченное человеком становится наглядной иллюстрацией земного воплощения божественного замысла. Здесь религиозные праведные люди живут в гармонии с природой и друг с другом. Таким предстает Алтай в первых строчках рассказа «Алтын-Ту», открывающего книгу:

За несколько сот верст от культурного центра Сибири – Томска, поднимаются похожие на облака горы, которые непривычный глаз не сможет издали отличить от густых синеватых облаков. Это – хребты Чингистая, Чиндагатуя, Чарышские, Ануйские, Табаты, Суок и другие, чьи имена занесены на карты Алтая – жемчужины Сибири, чудной, девственной страны с сотнями синих озер и водопадов, с горливыми реками и вечной тайгой, в которой живет тихий народ, говорящий на разных наречиях странным языком; тайгой, в которой растут могучие Кузук-агаши * и бродят медведи, где над горными хребтами реют Чемгулы *, свивающие гнезда в недоступных утесах, и расцветают белые цветы цикламенов над глубокими пропастями. (* Кузук-агага – кедр, Чемгул – орел) (с. 3–4).

Как именно формируется в книге этот образ благословленного места? Во-первых, для придания местного колорита и передачи ощущения первозданности, дикости, пока еще мало тронутого цивилизацией края писательница использует упоминания о некоторых верованиях, легендах, сказках коренных алтайцев, касающихся истории происхождения топонимов или объясняющих те или иные явления. Она постоянно, как в цитате выше, пользуется алтайскими названиями растений, животных, птиц даже в тех случаях, когда для них есть равноправные русские названия: кедр, орел, волк, медведь, малина и т. д. Такой прием, как введение в текст экзотизмов, помимо прочего должен показывать причастность автора к этому закрытому для других миру, а также служит доказательством авторского знания его изнутри.

Во-вторых, почти в каждом рассказе встречаются пространные описания природы, в которых подчеркивается красота Алтая, его нетронутость и чистота – как мира природы, так и людей, его населяющих. Пейзажи всегда идилличны, в них, как правило, или упоминается Бог-творец этой красоты, или вкрапляются евангельские реминисценции, аллюзии и цитаты, и они отсылают не столько к священным текстам, сколько в целом к архетипу золотого века и воображаемому пространству рая. В идиллическом месте светло, много трав и цветов, приятных ароматов, почти всегда есть источник чистой воды:

Весну я любил встречать под хребтом Синюхи, у тихого озера, на котором богато разрастались купавки и чилим. Это был мирный уголок, верстах в трех от Катуня, где воздухом, напоенным ароматом хвои, дышалось легко и свободно, где бор стоял нетронутый, прекрасный и задумчивый, поднимаясь на высоту гор, точно стараясь заглянуть за высокие гривы на обширный Божий мир, неведомый маленькой долине. Я любил людей в крохотном поселке с молитвенным домом: в те времена люди были *чисты сердцем, как дети*, и так же, как дети, просты (с. 68; курсив мой. – Н. Н.).

Во всем ощущается Божественный промысел – он настолько велик, что даже инородцы, т. е. некрещеные коренные алтайцы, способны Его почувствовать. Так, в рассказе «Камланье» алтайский мальчик, которого родители взяли в далекую поездку, впервые видит многие места, но он не просто любит ими, сидя на камне в лунную ночь, он проникается величием божьего творения:

Тумчугаш, сев на камни, засмотрелся на низину. Задумчиво поднималась гора Иниген по ту сторону Катуня, тихо дремал охваченный волною лесистый остров, река серебрилась и сверкала, змеей извиваясь по долине, и в безмолвном молчании дремали скалистые берега. В первый раз красота и величие Божьего мира захватили мальчика: он умными глазами впился в развернувшуюся перед ним картину (с. 134).

В финале рассказа этот мальчик отречется от камов и примет «русского Бога», который в отличие от кама добр к людям. А. И. Макарова-Мирская и не могла, наверное, видеть Алтай иначе, для нее вопрос о ценности местных верований и традиций не стоял, она была убеждена, и это видно в книге, что Алтай должен быть христианизирован, причем именно потому, что он творение Божие, одно из его чудес. Герои рассказов, русские переселенцы, говоря с коренными алтайцами – проводниками, пастухами, т. е. помощниками, постоянно высказываются об их вере в негативном ключе:

Плюнул бы на них [божков]: веришь каким-то истуканам. Уж ли они мир создать могли? Гляжу я на тебя, Семейка, равноумный мужик, а вере своей дурацкой привержен... што она, вера твоя? Плюнуть да размазать... и камышки и гроша не стоят... омман один (с. 105).

На Алтае молитвы, добрые помыслы и желания, обращенные к Богу, всегда сбываются, возможно, потому что Бог здесь «ближе» буквально – Горный Алтай, в отличие от равнин, ближе к небу. Сюжеты первого и последнего рассказов в своей основе совпадают и создают кольцевое обрамление: персонаж поднимается на вершину горы, чтобы попросить исполнения своего желания у высших сил, а желание это заключается в помощи близким людям. В первом рассказе просит помочь ее семье русская девочка Таня: она решает взойти на вершину Алтын-Ту («Золотая гора»), чтобы найти немного золота, которое, по рассказам старого алтайца Ургона, скрыто на ее вершине и которое обязательно покажется чистой непорочной душе. В последнем рассказе сам старик-язычник Ургон идет на вершину уже другой горы в Рождественскую ночь, чтобы умолить христианского Бога забрать его к себе, а также чтобы попросить хлеба и благополучия для своей семьи в период бедствия. Желания обеих персонажей сбываются: пусть Таня и не нашла на вершине настоящего золота, но Танина семья сразу после этого избавлена от бед и нищеты. Старый Ургон замерзает со «счастливой и радостной улыбкой» (с. 211) на вершине горы под сияющими зимними звездами, обратив свои мольбы к тому, кто, по его мнению, может помочь:

О, Кудай, возьми меня... Я так много жил, я люблю Тебя и Ты меня любишь... Я не хотел креститься, но я знал, что Ты не осердишься! Прости меня, если я худо делал! Сегодня Твое Рождество, Ты больше слушаешь сегодня тех, кто просит... Послушай меня... (с. 209).

Старик уходит к Богу в ту ночь, «когда родился Христос». В первом случае христианка по-язычески просит гору о помощи. Во втором случае некрещеный алтаец молится «доброму Кудая», поверив словам своей крещеной внучки о том, что этот милосердный Бог слышит всех. Так «задним числом» раскрывается «секрет» чуда из первого рассказа.

Тексты строятся таким образом, чтобы подробные описания красот Алтая были даны словно в восприятии ребенка, однако тот язык, которым они изложены,

те смыслы, которые прозревают юные герои, содержательно и стилистически принадлежат не детскому сознанию, а взрослому, по-видимому, самой писательнице, с детских лет бывавшей на Алтае и хорошо его знавшей, теперь же выросшей и смотрящей на эту землю взглядом человека религиозного:

Там, внизу, была земля с ее суетою; мир, полный шума и жизни. Здесь воздвигались Божьи алтари, далекие мирской суеты, покрытые чистыми, как кристалл, снегами: – «Вон и лампы!» – подумала Таня. – «Какие большие звёзды. Там, внизу, они гораздо меньше кажутся!» (с. 17).

В этом эпизоде просматривается противопоставление мира земного – низкого, и мира высокого, горного – и не только потому, что действие происходит в горах. Эту традиционную для религиозной культуры антитезу взрослая писательница приписывает персонажу-ребенку с «непорочной душой», далекому пока от знаний и плодов культуры. Загаданное желание, ради которого ребенок совершает рискованный подъем на гору, сбывается. И в этом помогает благословленный Алтай, вот как об этом думает отец девочки в финале рассказа:

Гора была добрее людей. Может быть, Божии ангелы ходили там недоступными тропами по чистым снегам и охраняли ее. Его девочка осталась целой и невредимой, Господь нашел его своей милостью ради ее непорочного сердца. Да, недаром говорят, что вера ворочает горами. Сказки старого Ургона сбылись неожиданно. В Алтае так много чудес. Он сам чудо, огромный, сверкающий снегами недоступных вершин, с тихими долинами и синими озерами (с. 27).

Идея «Алтай – одно из чудес Бога и земля, где происходят чудеса, которые приводят к Богу», проводится последовательно через всю книгу.

Как правило, этот прием – введения в повествование пространных описаний алтайских пейзажей «глазами ребенка» – одинаков во всех рассказах и появляется в первом же из них: «И эту красоту увидели большие, задумчивые глаза девочки-подростка лет четырнадцати, увидели и загляделись на прекрасный Божий мир, облитый светом солнечного утра. Уже девять дней любовалась она с этого места на вид» (с. 4; курсив мой. – Н. Н.). Персонаж-ребенок успеваешь созерцать и оценивать красоту природы попутно основному сюжетному действию: так, девочка Таня, решившая забраться на высокую гору, несмотря на сложнейший подъем, усталость и опасности, радостно любуется открывающимися ей картинами, забыв об усталости и страхе. В рассказе «Отчаянный» мальчик Алеша, которого невзлюбила мачеха, подобно Тане, хочет найти спасительное средство – светлую подземную долину с волшебными родниками, вода из которых превращает злых людей в добрых. Мальчик тоже поднимается в горы, к водопаду, чтобы найти вход в пещеру, ведущую, по преданию, к той самой волшебной долине. В поисках ему открывается с высоты прекрасный вид:

Дикая, но прекрасная картина открылась глазам ребенка, чаруя его зрение: сверкающая под солнцем гладь Телецкого озера и задумчивые горы вдаль, оснеженными вершинами поднимавшиеся к небу, и ближние, тоже большие горы, к берегу сбегавшие стройными скалистыми уступами разных пород... целые поляны лука цвели синенькими цветами и на полупесчаных отмелях, где золотистые и серебристые камешки, причудливые пористые камешки Телецкого озера, бросались в глаза ребенка (с. 112, курсив мой. – Н. Н.).

Вряд ли в сознании мальчика 7–8 лет могли возникнуть выражения «уступы разных пород» и «на полупесчаных отмелях», – это не «детский язык описания», а взрослый, причем по-краеведчески точный. Значит, не передача детского восприятия и сознания были основной целью писательницы. Персонажи-дети, главные герои рассказов, теряющиеся, убегающие, плутающие по необжитым местам, пока их не найдут взрослые, нужны как своеобразно настроенная автором «видеокамера», с помощью которой читатель может увидеть самые разные достопримечательные места Алтая: гору Алтын-Ту, берег Катуня, Телецкое озеро и его окрестности, Талдинскую пещеру, долину реки Чолумшана, скалы реки Чуи и другие – увидеть их не только как красивые виды природы, но и как места знаковые, где возможны необычные, чудесные события, происходящие с «непорочными душами» детей. Так, название рассказа «Алтын-ту» связывает одно из знаковых алтайских мест (гора Алтын-ту) с семантикой топонима «Алтай»: речь идет о золоте. Причем то золото, которое ищет героиня рассказа на вершине горы из бумажного драгоценного металла, превращается в развернутую метафору: это и золотое сердце девочки, пожелавшей помочь бедствующей семье, и специфическое «золотое место» – Алтай, который обращает помыслы людей к истине, доброте, Богу, своей красотой прославляя Творца и наставляя людей. В столь прекрасном месте не может быть зла и горя, любые конфликты разрешаются в пользу добра.

Это важный момент: персонаж-ребенок становится инструментом для выражения авторской идеи об Алтае в целом, из детских наблюдений складывается этот необычный образ. Отнюдь не само сюжетное действие становится «сверхсмыслом», оно скорее носит «служебный характер», придавая каждому из рассказов увлекательность, интригу, благодаря которым текст будет прочитан. Однако пишется этот текст не столько ради сюжетных ситуаций, в нем созданных, или той морали и жизненного урока, который должен извлечь из происшествий с героями юный читатель, сколько для получения неосведомленным человеком определенного, заданного автором представления о дотоле малоизвестном крае. Иначе говоря, по-настоящему важная, объединяющая эти рассказы задача, для решения которой они пишутся, – создать образ Алтая таким, каким он видится автору. В определенном смысле это, конечно, идеологически-религиозная литература, которой придан вид детской.

Книга формирует представление о ценности Алтая не просто как географически достопримечательного места, но как места сакрального. Эта идея в русской литературе и культуре получит дальнейшее широкое развитие [Алтайский текст в русской культуре, 2013; Геопозитика писателей Сибири и Алтая, 2016]. Книга А. И. Макаровой-Мирской стоит у истоков этой традиции. Писательница в первую очередь создает образ особенного «чудесного» места, а персонаж-ребенок становится проводником к этим чудесам, и поскольку сюжетные события происходят именно с ним, то его «проявляющими чудеса» глазами показаны всё происходящее и окружающее пространство. Взгляд ребенка позволяет смотреть на многое как в первый раз, видеть то, что может быть не видно взрослым, воспринимать нечто привычное или, наоборот, необычное остраненно. Именно так осматривает юрту шамана юный герой рассказа «Камланье», а потом с дерева впервые наблюдает сам процесс камлания. Описание камлания позаимствовано из книги В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы» [Вербицкий, 1893, с. 49–51] и представ-

ляет собой подробное этнографическое наблюдение, а ввести его текст рассказа, осудить дикость и жестокость обряда помогает герой-ребенок, созерцающий действие и реагирующий на него негативно [Непомнящих, 2024].

В рассказах несколько раз повторяется мотив «вольного Алтая» – края, где человеку легко дышится не только в прямом смысле, но и в переносном: здесь нет столь жестких порядков и высоких налогов, здесь всем вдоволь земли и места. Алтай предстает как край, от России отдельный, особый, не успевший пропитаться ее пороками. Русские герои-переселенцы говорят «в России», «из России», отделяя тот край, в котором теперь живут, от нее. Так, в рассказе «Пюрю» («Волк») у главного героя «дух захватывало от этого многоземелья и свободы лесной после российской скудости» (с. 175). В рассказе «Отчаянный» герой сравнивает Россию и Алтай в пользу последнего: «Хорошо у вас, – говорил Матвей. – У нас тоже хорошо в Расее, да больно уж тесно, а тут – приволье: хоша и не степь, а горы и долины утесненные, а всё же – свободно; как заберешься на горы да окинешь взглядом кругом, душа зарадуется, – такое любованье!» (с. 102). В рассказе «Пюрю» («Волк») пришлый подозрительный человек пытается сбить главного героя с толку, он хочет вести революционную агитацию среди алтайцев, однако хозяин дома Алексей, приютивший беглеца, спорит с ним каждый раз, как только тот заводит подобные речи:

- И на другой день... он опять пристал к Алексею:
- Я слышал о тебе... с хорошими речами пришел: о воле, о земле.
- А ты откуда сам-то? – вдруг любопытствовал Алексей.
- Я – издали... из России... – изумленно вскинул глазами пришелец.
- Што же ты там о воле не говорил: там оно всё к делу: малоземелье... а у нас тут, – широким жестом размахнул Алексей, – всё... нам тут нечего слушать твои речи... перед глазами и воля, и земля... (с. 182).

«Революционер» еще и ругает хозяина за то, что тот молится Богу, когда его приемный ребенок-сирота в тяжелейшем состоянии задыхается от «крупа». Он говорит, что ребенка может спасти только операция, которая в здешних условиях невозможна, а потому мальчик неизбежно умрет. Именно в этот момент Алексей обращается к «Божьей матери-заступнице», и молитва помогает: мальчик откашливает мешавший ему дышать комок слизи. А гость, поправ все законы гостеприимства, ночью сбегает на лучшей лошади хозяина в лучшем же из его седел. Как и в других рассказах, здесь коварное зло в лице агитатора-волка разоблачено, а добро спасено молитвой и религиозным чудом.

Иллюстративный ряд в книге продуманно дополняет тексты. Графические заставки в виде прекрасных цветов и трав, бабочек, виньетки с птицами в конце рассказов и вокруг портретных фотографий. Фотографии водопадов, долин, лесов, рек, озер и алтайцев, с одной стороны, подтверждают правдивость красочных описаний, с другой – продолжают работать на создание образа «земли обетованной», райской, прекрасной, идиллической. Поскольку А. И. Макарова-Мирская была отличным фотографом, взгляд, которым она наделяет персонажей, выхватывает не случайные фрагменты пейзажа, а целые картины, это взгляд человека, умеющего видеть и выбирать композицию, рамку, освещение и прочие характеристики и компоненты, из которых складывается удачный кадр. Иллюстрации сопровождаются специальными подписями, возвращающими читателя к текстам описаний природы. Они должны подтверждать подлинность, невыдуманность,

документальность описываемого, а также свидетельствовать о том, что Алтай – «прекрасная земля чудной страны» и «он сам чудо» (с. 26).

Выводы

Писательница последовательно, из рассказа в рассказ, показывает в книге чудесный край, который большинству жителей России на тот момент представлялся малоизвестной окраиной империи. Будучи внучкой главы Алтайской духовной миссии и женой священника, А. И. Макарова-Мирская воспринимала христианизацию коренного населения исключительно как благое дело: миссионеры, в ее понимании, несли алтайцам просвещение и другие блага цивилизации, а главное – спасение в лице «правильной» религии. Поэтому книга представляет собой концептуальное целое и формирует представление о ценности Алтая не просто как географически достопримечательного края, но как места сакрального и чудотворного, свидетельствующего о благодати и могуществе Творца, помогающего своей красотой и гармонией жить праведно. Эта идея сакральности Алтая получит дальнейшее развитие в русской литературе и культуре. «Алтайские рассказы» (1912) стоят у истоков этой традиции. Персонажи-дети становятся проводниками к чудесам, которых не видят взрослые: глазами детей, «проявляющими чудеса», показаны всё происходящее и окружающее пространство. Иллюстративный ряд в книге продуманно дополняет тексты: это рисунки, выполненные Г. И. Чорос-Гуркиным, и ее собственные фотографии. Таким образом, все составляющие книги подчинены раскрытию идеи «прекрасного Алтая» – идиллического места, где для чистого душой верующего человека, как правило, это ребенок, возможно чудо соприкосновения с Богом.

Список литературы

- Алтайский текст в русской культуре: Сб. науч. ст. / Под ред. М. П. Гребневой. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. Вып. 5. 158 с.
- Геопоэтика писателей Сибири и Алтая: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. И. Куляпин. Барнаул: АлтГПУ, 2016. 168 с.
- Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 3. С. 26–50.
- Левашова О. Г.* Образ Алтая в русской литературе XIX века // Филология и человек. 2011. № 4. С. 32–41.
- Непомнящих Н. А.* Рассказ А. И. Макаровой-Мирской «Камлание»: историко-литературный комментарий // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 123–132. DOI 10.17223/18137083/86/9
- Шастина Т. П.* Забытые имена: Алтай как мир миссионеров и язычников в творчестве А. И. Макаровой-Мирской // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013а. С. 144–154.
- Шастина Т. П.* Горный Алтай: литературное вхождение территории в состав имперских пространств // Филология и человек. 2013б. № 1. С. 41–53.

Шастина Т. П. Горное и горнее в «Алтайских рассказах» А. И. Макаровой-Мирской // Макарьевские чтения: материалы X Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2015. С. 384–391.

Список источников

Вербицкий В. И. Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого, изданный Этнографическим отделом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М.: Ско-ропечатня А. А. Левенсон, 1893. 221 с.

Макарова-Мирская А. И. Алтайские рассказы. Харьков: Тип. «Мирный Труд», 1912. 211 с.

References

Grebneva M. P. (ed.). *Altaiskii tekst v russkoi kul'ture* [Altai text in Russian culture]. Collection of scientific articles. Barnaul, AltSU Press, 2013, iss. 5, 158 p. (in Russ.)

Kulyarin A. I. (ed.). *Geopoetika pisatelei Sibiri i Altaya* [Geopoetics of writers of Siberia and Altai]. Collection of scientific articles. Barnaul, AltSPU Press, 2016, 168 p. (in Russ.)

Levashova O. G. The image of Altai in Russian literature of the 19th century. *Philology and Man*, 2011, no. 4, pp. 32–41. (in Russ.)

Nepomnyashchikh N. A. Historical and literary commentary on the short story “Kamlan’е” by A. I. Makarova-Mirskaya. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 123–132. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/9

Shastina T. P. Zabytye imena: Altai kak mir missionerov i yazychnikov v tvorchestve A. I. Makarovoy-Mirskoy [Forgotten names: Altai as a world of missionaries and pagans in the works of A. I. Makarova-Mirskaya]. In: *Altai text in Russian culture*. Barnaul, 2013, pp. 144–154. (in Russ.)

Shastina T. P. Gorny Altai: literary entry of the territory into the imperial spaces. *Philology and Man*, 2013, no. 1, pp. 41–53. (in Russ.)

Shastina T. P. Gornoe i gornee v “Altaiskikh rasskazakh” A. I. Makarovoy-Mirskoy [Mountain and mountainous things in “Altai Stories” by A. I. Makarova-Mirskaya]. In: *Makariievskie chteniya* [Makarev Readings]. Materials of the X International scientific conference. Gorno-Altai, Gorno-Altai State Uni. Press, 2015, pp. 384–391. (in Russ.)

Zamyatin D. N. Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeistvie sovremennykh gumanitarnykh nauk [Human Geography: Space, Imagination and the Interaction of the Contemporary Humanities]. *Sociologicheskoe obozrenie* [The Sociological Review], 2010, vol. 9, no. 3, pp. 26–50. (in Russ.)

List of Sources

Makarova-Mirskaya A. I. *Altai stories*. Kharkiv, Printing house “Peaceful Labor”, 1912, 211 p. (in Russ.)

Непомнящих Н. А. Алтайские сюжеты в рассказах А. И. Макаровой-Мирской

Verbitsky V. I. Altai foreigners: a collection of ethnographic articles and studies by the Altai missionary, Archpriest V. I. Verbitsky, published by the ethnographic department of the Imperial Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography, which is affiliated with Moscow University. Moscow, 1893, 221 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Непомнящих, кандидат филологических наук

Information about the Author

Natalya A. Nepomnyashchikh, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 15.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 10.10.2024
The article was submitted on 15.09.2024;
approved after reviewing on 10.10.2024; accepted for publication on 10.10.2024*